

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

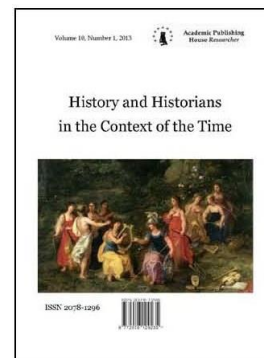
ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

Vol. 15, Is. 2, pp.74-81, 2015

DOI: 10.13187/hhct.2015.15.74

www.ejournal3.com

UDC 74.03

The Basis of the Material Culture of the Highlanders Military Time (Weapons and Fortifications)

Nadezhda O. Bleikh

North Ossetian State University of name K.L. Khetagurova, Russian Federation
Dr. (History), Professor
E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Abstract

On the basis of underutilized documentary material in the article analyses the role of material culture of the highlanders wartime (XIII - XVIII centuries), includes weapons and defensive structures. It says that all Caucasian people have thought through a clear system of defense against not only external enemies, but also his countrymen, encouraged by the raids of the feudal elite, need, and personal prowess. So there in the Caucasus almost none of the village, above the buildings which did not dominate combat or residential towers, and on the adjacent territory had defensive walls and customs gate, the cave (rock) fortifications and fortresses, castle complexes of the type. It is proved that the fortification culture of the Caucasian peoples had their characteristic genetic link with empirical housing and therefore was an all positive achievements of ethnic architecture. It is his creative activity, vividly reflected in the monuments of history and culture lived in the territory of the peoples.

Keywords: battle towers, mountain peoples of the Caucasus, North Caucasus region, creative activities, cave fortifications, fortified culture, ethnic architecture.

Введение

Начиная с XIII и вплоть до XVIII века включительно, в истории всех северокавказских народов наблюдается коренная трансформация этнической карты региона, обусловленная в первую очередь, мощными внешнеполитическими и глубокими социально-экономическими факторами. К ним относятся агрессивные устремления заморских владетелей Турции, Крыма и Ирана, нашествие татар, завоевания Тимура, экспансия ногайских орд, пришествие адыгских народов, установивших контроль над обитателями горских территорий Центрального Предкавказья, межплеменная рознь и внутренние смуты самих кавказцев, порожденные борьбой за власть. Все это становится основной сутью кавказской политики, построенной на диктате сильных, порабощении и истреблении слабых. В этих условиях у горцев действительно возникает необходимость создания разнообразных оборонительных сооружений, предназначенных для защиты жизни и имущества как отдельных семей, так и целых обществ.

Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи сформировали *малоупоминающиеся материалы по истории Кавказа древних авторов* (Ибн Русте, М. Каганкатвази, П. Закарая, Эвлия Челеби и др.); *публицистические работы современных ученых* (А.Ф. Гольдштейна, Е.Н. Крупнова, И.М. Мизиева, М.Б. Мужухоева, Н.Е. Урушадзе и др.); *фольклорные материалы* (песни Илли).

Методологическая база исследования была сформирована за счет историко-сравнительного, структурного, абстрактно-логического методов исследования. Каждый из них имел свою область применения и сыграл важную роль в обработке, систематизации и обобщении исследуемого материала. Так, *историко-сравнительный метод* позволил проанализировать сопоставимые факты и на этой основе выявить как закономерности, так и особенности выявления материальной культуры горцев времен Военного времени, представленного фортификационными сооружениями и оружием всех видов. *Метод структурного анализа* необходим для изучения сложных структурных компонентов, не расчлняя их на отдельные составляющие элементы. *Абстрактно-логический метод* представил возможность обобщения, синтеза и интеграции выводов по теме статьи в целом.

Обсуждение

Сама фортификационная культура кавказских народностей имела своей особенностью генетическую связь с эмпирикой жилищного строительства и потому являла собой все позитивные достижения этнического зодчества. Прежде всего она была представлена обилием оборонительных памятников, сосредоточенных в Южной и Северной Осетии, Чечне и Ингушетии, Балкарии и Карачае, Дагестане и Грузии. Некоторые из них возводились еще в глубоком средневековье, потому сами автохтонные народы на протяжении столетий следили (по возможности) за их состоянием, время от времени подновляя и продолжая использовать в военных целях. Согласно сведениям арабских авторов, в Серире, Лакзе, Хамзине и др. «царствах» имелись крепости или замки. До нас дошло описание (X в.) одного из «замков» царя Серира: «Этот замок находится на вершине горы, он имеет четыре фарсага в длину и столько же в ширину и окружает его стена из камня» [1]. Большие размеры замка позволяют заключить, что речь идет о целой системе оборонительных сооружений.

Одним из замечательных памятников периода раннего средневековья являются дербентские сооружения, состоящие из нескольких параллельно идущих стен. Они запирали Дербентский проход с запада на восток. Одним своим краем стены уходили в морской залив, где образовали своеобразную гавань, закрытую горной цепью. Эти укрепления вместе с многокилометровой цепью оборонительных сооружений составили единый комплекс защиты со стороны гор [2].

До нас дошли различные описания строительной технологии дербентских фортификационных сооружений, оставленные арабскими историками. Так, Ибн-ал-Факих свидетельствовал о знаменитой стене дербентской, которая была представлена тесаными камнями четырехугольной формы, скрепленными между собой железными болтами. Автор восторгается фортификационным искусством горцев, так как «пять десятков человек не могли приподнять один такой камень». Путешественник Хияс ас-Саби обращает внимание на воротах из железа и стене, в которой располагались в симметричном порядке камни, в каждом из которых имелось по два отверстия для нахождения железной палки, облитой свинцом» [3].

Монументальные сооружения Дербента – продукт не одного года и не одного десятилетия. Они неоднократно разрушались. В строительстве этих укреплений участвовали многие кавказские народы. Об этом факте свидетельствует Моисей Каганкатвази: «...персидские цари на строительстве дербентских стен изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы» [4]. В строительстве дербентских стен воплотились лучшие строительные традиции северокавказских горцев.

Остальная часть упомянутых сооружений появилась уже в послемонгольский период и связана с историей конкретных этносов и различных социальных групп населения. Так, были построены крепости и замки в 1241 г. в агульском сел. Рича [5], в лезгинском селе

Ахты [6]; в XVI – XV вв. в устье р. Годлик на Черноморском побережье, в 1432 г. в сел. Цахур в Южном Дагестане [7], в 1443-1446 гг. в гор. Тамани [8], в 1519 г. в гор. Темрюке [9], в 1369 г. в даргинском сел. Муги [10], в XIV в. в лезгинском сел. Хоредж [11], в XVI в. в даргинском сел. Ицари [12] и др.

Северокавказские народы продумали четкую систему защиты от нападений не только пришлых издалека врагов, но и своих соплеменников, поощрявших к набегам феодалами, нуждой, личной удалью. Поэтому нет на Кавказе почти ни одного селения, над строениями которого не доминировали бы боевые или жилые башни. Пещеры и скальные гроты использовались для создания как простейших по своей архитектуре укреплений, так и настоящих крепостей (Нузал, Урсмдон, Дзивгис). На подступах к селениям, на удобных для наблюдения высотах, сооружались сторожевые башни: с них дозорные передавали сигнал тревоги односельчанам. В ряде стратегически важных мест ущелья перегораживались заградительными стенами и заставами, защищавшими перевальные пути в Закавказье.

Таким образом, все фортификационные сооружения Кавказа можно классифицировать следующим образом: заградительные стены и таможенные заставы, пещерные (скальные) укрепления и крепости, комплексы замкового типа («галуаны» – осет., «гIал» - кубач., «къали» - дарг., «квал» - лезг., «галай-чуэ» - инг.), боевые, жилые и полубоевые башни. Следует отметить, что в данной статье мы не рассматриваем проблемы строительства горского жилища, поскольку это в известной мере выходит за рамки исследуемой темы. Здесь же отметим, что обыкновенно фортификационные сооружения располагались в комплексе с бытовыми и жилыми постройками, которые так же были приспособлены для оборонительных нужд

Говоря о башенных сооружениях горного Кавказа, проф. Г.А. Кокиев неоднократно подчеркивал, что возникли они «на почве одинаковых социально-экономических условий, в которых, по-видимому, находилось на протяжении веков большинство кавказских горцев». Он же впервые выдвинул тезис о том, что внутри общекавказской строительной культуры башенных построек имеются свои чисто национальные (локальные) отличительные признаки. Данный тезис представляется особенно важным, поскольку по словам исследователя, «ни в чем не выражается так полно душа народа, как в созданиях его искусства. Народ может заимствовать у соседей орудия для разных работ, научные сведения, политические и общественные установления. Но искусство всегда национально. Даже подражая, народ берет из чужих произведений то, что отвечает его вкусу, его уровню развития» и создает творения, живущие веками» [13]. Этот тезис был впоследствии развит Е.И. Крупновым [14], В.И. Марковиным [15], Н.Е. Урушадзе [16], И.М. Мизиевым [17], М.Б. Мужухоевым [18], А.Ф. Гольдштейном [19] и другими исследователями, изучавшими материальную и духовную культуру горцев.

Вместе с тем невозможно не обратить внимания на то, что сходных черт в архитектуре башенных построек горного Кавказа выявлено отнюдь не меньше, чем отличительных и поэтому часто встречающиеся в современной научной литературе рассуждения о самобытности (уникальности) тех или иных разновидностей интересующих нас памятников нуждаются в более строгой аргументации. По справедливому замечанию исследователя С.О. Хан-Магомедова, национальные особенности архитектуры должны прежде всего «гармонично сочетаться с удовлетворением материальных потребностей народа, правильным учетом природно-климатических и бытовых местных условий, достижениями строительной техники» и эстетическими идеалами. Будучи присущими архитектуре конкретного народа, особенности эти отражают и психический его склад» [20]. В то же время, как уже говорилось, в культуре любого народа проявляются и интернациональные (общечеловеческие) черты, сближающие ее с культурой других этносов, и именно они в силу целого ряда исторических и прочих условий получают преимущественное развитие. В свете высказанных положений мы и хотели бы остановиться несколько подробнее на общих закономерностях развития башенной архитектуры, на том, что объединяет, а не разъединяет культуры кавказских народов, хотя в ходе изложения нам придется высветить и некоторые частные (локальные) вопросы.

Специфичность архитектурных строений у всех кавказских народностей заключалась в её конструктивности, простоте природных строительных материалов, умелом использовании последних зодчими, научившимися создавать из них своеобразные сооружения. Вековая монументальность и способность воздействия на людей

обуславливались структурной логичностью построек и применяемыми к ним конструктивными решениями. Издали стены боевых башен воспринимались несокрушимым монолитом, вблизи это впечатление еще более усиливалось, ибо упрятанные в каменную твердь и почти неразличимые извне бойницы не нарушали целостности восприятия, не разрывали кладку на части. Этот факт отмечал осетинский поэт Юрий Боциев в поэме «Город на Тереке»:

...Ушел народ, ушел от рабства и пять веков молчал в горах.
Отгородился он от мира и не испытывал судьбы.
Стояли грозно башни Ира, наморщив каменные лбы... [21]

Право сооружать боевые башни принадлежало исключительно знатным («сильным») родам или фамилиям. Зависимым от феодалов родам на постройку башни требовалось особое разрешение, которое можно было получить у владельцев на определенных условиях.

Нижний этаж боевых башен использовался как хозяйственное помещение или как камера для пленников, но зачастую он засыпался землей и камнями, чтобы создать дополнительные трудности в случае осады неприятелем. Единственный вход в башню устраивался на уровне второго яруса. Стены абсолютного большинства боевых башен прорезаны узкими бойницами, над ними были сделаны навесные балкончики – машикули, которые предохраняли от попадания шальной пули.

Говоря об особенностях башенных построек Северного Кавказа, необходимо отметить, что почти все осетинские и частично чеченские башни были плоскостольными и этим они напоминали аналогичные сооружения Грузии [22]. Однако в самой Грузии и соседней с ней Балкарии строились башни с двухскатными кровлями.

В фольклоре кавказских народов в той или иной степени отразились предания о строительстве оборонительных сооружений. Возведение их сопровождалось разными по своему характеру обрядами (в зависимости от вероисповедания), которые, по представлениям наших предков, должны были обеспечить неприкосновенность жилища и всего, что в нем находится. С сожалением приходится констатировать, что часть этих фольклорных источников не сохранилась до наших дней, однако, учитывая культурно-историческую близость кавказских народов, можно с известной осторожностью экстраполировать содержащиеся в их эпосе, сказках, исторических песнях сведения на определенные явления, имевшие место в реальной действительности. Ниже мы приводим сокращенный вариант вайнахской песни о строительстве боевой башни – воув, поскольку она, на наш взгляд, в полной мере отражает не только производственный процесс, но и социально-идеологические представления северокавказских горцев независимо от их этнической принадлежности:

«...Трижды землю поили молоком, трижды срывали грунт,
И только когда земля отказалась пить, положили первые камни;
Восемь огромных глыб, образующих углы воув,
И был каждый камень ценою равен быку, а весом - восьми быкам.
Их привезли с вершины горы, взявши из-под голубого льда...
Каждый камень везли двенадцать быков, ломая копыта от напряжения,
Каждый камень тесали двенадцать дней четыре камнетеса,
И стальные тесла крошились у них, будто сделанные из липы...
Двадцать тесел каждый каменотес сломал о ребра камней,
И камни стали ровны, как стекло, и приняли нужный вид!..
Тогда четыре, как горы, седых старика осмотрели и ощупали их,
И каждый сказал: «Теперь хороши, ни порока, ни трещины нет!»
И каждый сказал: «Воув будет крепка, как наши горы крепки,
И будет стоять во веки веков, как мир во веки веков стоит!..
И каждый сказал: «Мы землю здесь поили густым молоком,
А камни эти, чтоб были крепки, напоим горячей кровью, -
Пусть свяжет кровь четыре угла, как род наш кровью связан,
И этой связи не сокрушат ни смерть, ни вечное время!» [23].

Подавляющее большинство обследованных специалистами северокавказских боевых башен независимо от их облика и формы перекрытия имело приспособления для огневого, а не лучного боя. Бойницы башен представляли собой узкие сквозные отверстия (одинарные, двойные, изредка и тройные), устроенные в специально предназначенных для того нишах, в количестве от 3 до 6 на каждом этаже. Располагались они с учетом наиболее полного кругового обзора прилегавшей к башне местности и имели самое разнообразное направление, чаще всего вниз или в сторону. Размеры ниш были настолько малы, что в них при всем желании не втиснулось бы плечо стрелка-лучника, как то предполагал Х.Д. Ошаев [24]. Для лучшего боя в старину устраивались амбразуры пошире; засвидетельствованы они в некоторых башнях Дагестана, Северной Осетии и горной Грузии. Подобных амбразур в башенных постройках Чечни и Ингушетии пока не обнаружено, ибо здесь было принято вести стрельбу из луков с верхней боевой площадки.

Как считают исследователи (Е. Крупнов, П. Закарая, В. Виноградов, Д. Чахкиев, Р. Даутова, В. Калинин и др.), появление оконных амбразур, предназначенных для огневого боя, объективно было связано с распространением на Северном Кавказе огнестрельного оружия (в XVI – первой трети XVII в.) [25], хотя первое знакомство с ним, несомненно, произошло у горцев гораздо раньше. По крайней мере, по грузинским источникам, уже в 1488 году осадившие Коджорскую крепость иранские войска «стреляли из ружья»; в 1536 году в междоусобных войнах имеритинских феодалов вооруженные «ружьями и большими пушками» турки оказывают помощь одной из группировок; в конце XVI столетия огнестрельное оружие имелось и у грузинского войска [26]. В начале XVII века русские путешественники, направлявшиеся в Грузию через Ингушетию, зафиксировали у «горских и турецких людей пищали и луки, и сабли, и копьё» [27]. Этот же факт подтверждают в 1604 году русские послы, которые жаловались, что на них напали «горские люди с огненным боем... те люди приходили из гор калканцы (т.е. ингуши – Н.Б.)» [28]. Любопытно, что и в дигорских мистических преданиях о Баделе, датируемых рубежом XV–XVI веков, упоминается ружье, наводящее «панический страх» на врага [29].

Мы не знаем, какие именно системы огнестрельного оружия бытовали у горцев до превращения их в так называемые «горские ружья» XVII – XVIII столетий, но то, что они сосуществовали с луками и стрелами, ни у кого сомнений не вызывает. Бесспорен и тот факт, что последние являлись отмирающим (пусть медленно, но неуклонно) видом вооружения, которое уже не могло существенно повлиять на архитектуру башен «периода расцвета строительства» (по В.И. Марковину). Напротив, горцам приходилось учитывать новые веяния в фортификационном искусстве, вооружаться и быть готовыми к отражению любой агрессии.

Помимо стрелкового оружия у кавказцев обычным вооружением были кинжал и сабля. Широко использовались ими дротики, луки и стрелы, копьё, пращи, луки для метания камней, боевые топоры. Как защитное вооружение горцы использовали панцири, кольчуги, шлемы, щиты, которые генетически перешли от алан и сохранились у них до наших дней. Так, еще в первой половине XIX в. Клапрот, посетивший осетин, проживающих в верховьях р. Терек, писал, что они «пользуются еще щитами овальной формы, сделанными из твердой кожи или дерева и снабженными железными обручами и головками гвоздей; длина его редко превышает 1 фут» [30]. Стрельба из лука, широко известная у горцев, вошла позже в состав детских игр, и бытует до сих пор в горах Осетии.

Заключение

Суммируя всё вышеизложенное, мы приходим к выводу, что период расцвета северокавказской башенной культуры приходится на XVI–XVII и частично XVIII века, а не на XV–XVII столетия, как о том писал известный археолог В.И. Марковин. Думается, к этому же времени относятся и так называемые полубоевые башни, синтезировавшие черты жилых и боевых башен и основная масса гулуанов-замков, включавших в себя оба типа построек. Это, конечно, не означает, что на Северном Кавказе не было более ранних замковых комплексов, но мы говорим преимущественно о тех из них, которые появились в эпоху огнестрельного оружия, характеризовавшуюся феодальными смутами, раздробленностью горских обществ, противостоянием вражеским нашествиям и, несмотря ни на что,

созидательной деятельностью, красочно отразившееся в памятниках истории и культуры населявших край народов.

Примечания:

1. Ибн Русте. Из книги драгоценных камней. Пер. с арабского Н. Караулова //СМОМПК, № 32, 1903. С. 42-47.
2. Пахомов Е.А. Крупнейшие памятники Сасанидского строительства в Закавказье //СА. № 8. 1946. С. 13-19.
3. Бартольд В. Новое известие о стенах Дербента. М., 1893. С. 34.
4. Каганкатвацци М. История Агван. СПб., 1861. С. 15.
5. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1980. С. 74.
6. Там же. С. 86.
7. Там же. С. 93.
8. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979. С. 44-46.
9. Там же. С. 48.
10. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1980. С. 231.
11. Хан-Магомедов С.О. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана //Архитектурное наследство, 1958. № 11. С. 52-54.
12. Гольдштейн А.Ф. Башенные сооружения горного Дагестана //Архитектурное наследство, 1958, № 11. С. 180-184.
13. Кокиев Г.А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии //ИЮОНИИ. Сталинир, 1935. Т. 2. С. 87.
14. Крупнов Е.Н. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. С. 123.
15. Марковин В.И. Дорогами и тропами Дагестана. М.: Искусство, 1976. С. 243.
16. Урушадзе Н.Е. К семантике прикладного искусства древнего Кавказа и Закавказья //СА, 1979. № 1. С. 54-70.
17. Мизиев И.М. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна //Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963. С. 17.
18. Мужухоев М.Б. К истории позднесредневекового зодчества Центрального Кавказа //Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984. С. 94-106.
19. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М.: Советский художник, 1977. С. 212.
20. Хан-Магомедов С.О. Лезгинское народное творчество. М.: Наука, 1969. С. 169-170.
21. Ардасенов Х. Очерк развития осетинской литературы. Орджоникидзе, 1959. С. 84.
22. Закарая П. Древние крепости Грузии. Тбилиси: Мерани, 1969. 314 с.
23. Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979. С. 23-25.
24. Ошаев Х.Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою // КЭС. Тбилиси: Мецниереба, 1968. Т. 2. С. 75.
25. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М.: Советский художник, 1977. С. 154.
26. Там же. С. 210.
27. Крупнов Е.Н. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. С. 176.
28. Кодзоев Н.Д. История ингушского народа. Грозный, 2003. С. 34.
29. Гутнов Ф.Х. Бадел генеалогических преданий осетин //Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1987. С. 88.
30. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. //Изв. СОНИИ. Вып. XII, 1948. С. 112.

References:

1. Ibn Ruste. Iz knigi dragotsennykh kamnei. Per. s arabskogo N. Karaulova //SMOMPK, № 32, 1903. S. 42-47.
2. Pakhomov E.A. Krupneishie pamyatniki Sasanidskogo stroitel'stva v Zakavkaz'e //SA. № 8. 1946. S. 13-19.
3. Bartol'd V. Novoe izvestie o stenakh Derbenta. M., 1893. S. 34.
4. Kagankatvatsi M. Istoriya Agvan. SPb., 1861. S. 15.

5. Lavrov L.I. Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. M., 1980. S. 74.
6. Tam zhe. S 86.
7. Tam zhe. S. 93.
8. Evliya Chelebi. Kniga puteshestviya. Vyp. 2. M., 1979. S. 44-46.
9. Tam zhe. S. 48.
10. Lavrov L.I. Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. M., 1980. S. 231.
11. Khan-Magomedov S.O. Arochnye konstruksii v narodnoi arkhitekture Dagestana //Arkhiteturnoe nasledstvo, 1958. № 11. S. 52-54.
12. Gol'dshtein A.F. Bashennye sooruzheniya gornogo Dagestana //Arkhiteturnoe nasledstvo, 1958, № 11. S. 180-184.
13. Kokiev G.A. Boevye bashni i zagradytel'nye steny gornoi Osetii //IYuONII. Stalinir, 1935. T. 2. S. 87.
14. Krupnov E.N. Srednevekovaya Ingushetiya. M.: Nauka, 1971. S. 123.
15. Markovin V.I. Dorogami i tropami Dagestana. M.: Iskusstvo, 1976. S. 243.
16. Urushadze N.E. K semantike prikladnogo iskusstva drevnego Kavkaza i Zakavkaz'ya //SA, 1979. № 1. S. 54-70.
17. Miziev I.M. Chechenskie srednevekovye pamyatniki v verkhov'yakh r. Chanty-Arguna //Drevnosti Checheno-Ingushetii. M.: Nauka, 1963. S. 17.
18. Muzhukhoev M.B. K istorii pozdnesrednevekovogo zodchestva Tsentral'nogo Kavkaza //Poseleniya i zhilishcha narodov Checheno-Ingushetii. Groznyi, 1984. S. 94-106.
19. Gol'dshtein A.F. Bashni v gorakh. M.: Sovetskii khudozhnik, 1977. S. 212.
20. Khan-Magomedov S.O. Lezginskoe narodnoe tvorchestvo. M.: Nauka, 1969. S. 169-170.
21. Ardasenov Kh. Ocherk razvitiya osetinskoj literatury. Ordzhonikidze, 1959. S. 84.
22. Zakaraya P. Drevnie kreposti Gruzii. Tbilisi: Merani, 1969. 314 s.
23. Illi. Geroiko-epicheskie pesni chechentsev i ingushei. Groznyi, 1979. S. 23-25.
24. Oshaev Kh.D. Nekotorye voprosy ispol'zovaniya nakhskikh bashen v boyu // KES. Tbilisi: Metsniereba, 1968. T. 2. S. 75.
25. Gol'dshtein A.F. Bashni v gorakh. M.: Sovetskii khudozhnik, 1977. S. 154.
26. Tam zhe. S. 210.
27. Krupnov E.N. Srednevekovaya Ingushetiya. M.: Nauka, 1971. S. 176.
28. Kodzoev N.D. Istoriya ingushskogo naroda. Groznyi, 2003. S. 34.
29. Gutnov F.Kh. Badel genealogicheskikh predanii osetin //Problemy istoricheskoi etnografii osetin. Ordzhonikidze, 1987. S. 88.
30. Klaprot Yu. Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg. // Izv. SONII. Vyp. XII, 1948. S. 112.

УДК 74.03

Основы материальной культуры горцев Военного времени (оружие и оборонительные сооружения)

Надежда Оскаровна Блейх

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Российская Федерация

362043, РСО-А, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Аннотация. На основе малоиспользуемых документальных материалов в статье анализируется роль материальной культуры горцев Военного времени (XIII - XVIII вв.), представленной оружием и оборонительными сооружениями. В ней говорится о том, что все кавказские народы продумали четкую систему защиты от нападений не только внешних

врагов, но и своих соплеменников, поощрявшихся к набегам феодальной верхушкой, нуждой, личной удачью. Поэтому нет на Кавказе почти ни одного селения, над строениями которого не доминировали бы боевые или жилые башни, а на прилегающей территории имелись заградительные стены и таможенные заставы, пещерные (скальные) укрепления и крепости, комплексы замкового типа. Доказано, что сама фортификационная культура кавказских народностей имела своей особенностью генетическую связь с эмпирикой жилищного строительства и потому являла собой все позитивные достижения этнического зодчества. Она своей созидательной деятельностью, красочно отразилась в памятниках истории и культуры населявших край народов.

Ключевые слова: боевые башни, горские народы, Кавказ, северокавказский край, созидательная деятельность, пещерные укрепления, фортификационная культура, этническое зодчество.